

Ночь была сумрачной, и взгляд Хэ Чжияна рассеянно скользил вперёд. Широкий силуэт Цяо Юэ стоял неподвижно, словно гора, и в этот холодный зимний вечер он почему-то внушал... чувство спокойствия!?

Атмосфера была настолько странной, что трудно было понять, что происходит.

— Скажи, можно ли назвать это «лисой, прикрывающейся тигром»? — лениво сжимая поводья, Хэ Чжиян усмехнулся. — Пользуясь твоим положением тысячника, они даже не смеют смотреть на меня прямо.

— Лиса, прикрывающаяся тигром? — уголки губ Цяо Юэ холодно дрогнули, и он без тени скромности добавил. — Ты, похоже, хорошо понимаешь свои возможности.

Лиса и тигр изначально идут разными путями. Лиса наивно надеется, что хищник будет её защищать, но не знает, что милость зверя никогда не даётся даром. В конце пути её непременно сожрут.

Глаза Хэ Чжияна блестели, и, крепко держа поводья, он прижался к спине Цяо Юэ. В ночной темноте он действительно напоминал ту глупую лису.

Наивность, вызывающая жалость.

— Кстати, Цяо Юэ, слышал, что несколько дней назад тебе передали любовное письмо. В Академии... никто тебя не допрашивал? — Хэ Чжиян вдруг вспомнил кое-что.

— А что? Ты думаешь, в Академии есть кто-то, кто сможет меня допрашивать? — взгляд Цяо Юэ слегка потемнел, и он усмехнулся.

— Ну и хорошо. Я за тебя несколько дней переживал, боялся, что тебя накажут. — Хэ Чжиян, раздражённый его дерзким ответом, стиснул зубы, но на лице сохранил улыбку.

— Спасибо за заботу. — уголки губ Цяо Юэ слегка приподнялись, и он невозмутимо произнёс.

Хэ Чжиян невольно вздохнул в душе. Похоже, его серебро всё же ушло впустую. Сегодняшние мучения, вероятно, тоже были напрасны...

Погрузившись в свои мысли, он вдруг услышал, как Цяо Юэ спокойно заметил:

— На самом деле, если бы это действительно было любовное письмо, мне бы не удалось так легко отделаться. Но вы все ошибаетесь — это не настоящее любовное письмо.

— Ха! Как так? — уши Хэ Чжияна мгновенно насторожились. — Автор лично приходил к тебе, каждый день приносил письма, и это не любовное письмо?

Те слова, которые он сам придумал, были настолько слащавыми, что даже больно было вспоминать. Каждый день он ломал голову, чтобы их сочинить, а Цяо Юэ теперь говорит, что это не настоящее любовное письмо?

Это что, шутка? Кто тут, по-твоему, несерьёзный?

— Вы знаете только часть правды. — Цяо Юэ стал серьёзным, и его ясный, спокойный голос заглушил стук копыт. — В тех письмах были только пустые фразы, ни капли искренности. Как это можно назвать любовным письмом?

— ... — Хэ Чжиян промолчал.

Отсутствие искренности — это как раз то, что нужно. У него, молодого господина, искренности хоть отбавляй, только тратить её на Цяо Юэ он не собирается.

Хэ Чжиян, поправив поводья, сдержанно усмехнулся:

— У тысячника высокие требования. Даже для получения любовного письма есть порог.

Ты думаешь, это сочинение на восемьсот иероглифов, где нужно всё логично связать?

Эти несколько строк и то заставляли его ломать голову!

— Если это любовное письмо, оно должно быть искренним. — низкий голос Цяо Юэ раздался в ночном ветре. — Иначе как оно сможет тронуть меня? Даже Пан Ин считает, что это не стоит обсуждения.

Хорошо, что было темно, и Цяо Юэ не увидел, как Хэ Чжиян покраснел от злости:

— Подожди... ты показывал им своё любовное письмо?

Этот человек, блин, просто уникальный.

— Сначала он просматривал их за меня. — Цяо Юэ отряхнул рукав и спокойно посмотрел на Хэ Чжияна. — Естественно, он видел, что чувства поверхностны, и даже... не упомянуто, почему я вызываю восхищение.

— ... — Хэ Чжиян стиснул зубы.

Он действительно потерял рассудок, когда придумал эту идею, чтобы подставить себя.

Теперь он попал в ловушку. Неужели после возвращения ему придётся придумывать ещё больше комплиментов для Цяо Юэ?

— Что? Ты, кажется, очень переживаешь по этому поводу? — Цяо Юэ с интересом посмотрел на него.

— Я? Что я могу переживать? — зубы Хэ Чжияна скрипнули. — Я переживаю за того, кто написал письмо. Его искренние чувства, а ты их презираешь!

— Со временем видна истинная суть. — улыбка на губах Цяо Юэ стала шире, и он, наклонившись к Хэ Чжияну, тихо произнёс. — Написанное наскоро, даже без подписи — как я могу это ценить?

Тихий, хрипловатый голос раздался прямо у уха, и голова Хэ Чжияна будто раздвоилась. Непонятно почему, но половина его лица покраснела, и он раздражённо буркнул:

— Понял, понял. Тысячник, ты и любовные письма выбираешь с придирками. Вот это размах!

Зачем Цяо Юэ ему это рассказывал? Столько слов, будто он и есть тот, кто пишет ему любовные письма!

Хм!

Крошечная благодарность, которую он начал испытывать к Цяо Юэ, растворилась, и всю дорогу Хэ Чжиян дулся, не желая разговаривать.

Их усадьбы находились всего в одном переулке друг от друга. Когда они подъехали к дому графа, Хэ Чжиян спрыгнул с лошади и направился к воротам, чтобы постучать.

— Без манер. — Цяо Юэ, сидя на лошади, прищурился и свысока посмотрел на него. — Уходя, даже не поблагодаришь старшего брата?

— Спасибо. — Хэ Чжиян даже не обернулся. — И ещё, младший брат позволит себе дать совет: впредь тебе лучше не ходить по ночам, это небезопасно.

Цяо Юэ, глядя на его спину, скрывшуюся за воротами, слегка приподнял бровь и развернул лошадь, чтобы вернуться обратно.

Когда Цяо Юэ снова вернулся в казармы Стражи в парчовых одеждах, было уже почти полночь.

Пан Ин, держа в руках документы, дремал, но, услышав шаги, поднял голову и удивился:

— Мы думали, ты останешься в Управлении ратных дел. Почему так поздно вернулся?

— По пути в Управление встретил одного молодого господина, решил помочь до конца. — Цяо Юэ снял плащ, обнажив стройную фигуру, скрытую под одеждой.

— Ты только что отвёз его домой, в дом графа? — Пан Ин на мгновение замер, а затем понял.

— Да. — Цяо Юэ кивнул.

— Ты лично отвёз его домой!? — Пан Ин округлил глаза. — Мы думали, ты пошёл туда, чтобы отомстить, а оказалось, что ты совершил добрый поступок?

Когда заговор раскрылся, Цяо Юэ с холодным лицом отправился в Управление ратных дел. Пан Ин про себя ахнул, предполагая, что Хэ Чжиян как минимум пару недель не сможет ходить прямо.

Но вместо этого Цяо Юэ не только вызволил его, но и лично сопроводил домой?

Это что за шутки?

— Мне не нравится, когда другие делают за меня. — Цяо Юэ, избегая его взгляда, холодно произнёс. — Чтобы преподать ему урок, у меня есть другие способы.

— Но... Ты упустил такую редкую возможность. Как ты собираешься его наказывать? — Пан Ин окончательно запутался, глядя на Цяо Юэ с недоумением.

— Сегодня я специально навёл справки. Он обязательно продолжит писать любовные письма. — Цяо Юэ прищурился, говоря спокойно. — Каждый день писать любовные письма человеку, который тебе неприятен, — это и физическое, и моральное испытание.

Представляя, как Хэ Чжиян стискивает зубы, но вынужден пожинать плоды своих действий, Цяо Юэ невольно улыбнулся.

— ...И это всё? — Пан Ин был ошарашен.

И это называется «преподать урок»? Это и физическое, и моральное испытание? Тот, кто пишет письма, страдает, но разве тот, кто их получает, не чувствует себя неловко?.. Пан Ин начинал подозревать, что его тысячник слишком долго был на морозе и мозг его замёрз...

Это больше похоже на потворство и поощрение наглости студентов Академии Гоцзыцзянь!

— Конечно, это не всё. — глаза Цяо Юэ потемнели, и в них мелькнула злоба. — Я назначу встречу с тем юношей-куртизаном, который доставляет письма. Это дело порочит Стражу в парчовых одеждах, и его нужно расследовать. Когда он выдаст Хэ Чжияна, я лично отправлю его в императорскую тюрьму.

— Ты не наказал его в Управлении ратных дел, а собираешься отправить в императорскую тюрьму? — Пан Ин с сомнением посмотрел на него.

— В Управлении ратных дел не так удобно действовать. Пусть пока порадует. — Цяо Юэ опустил глаза, лениво играя с кольцом в свете огня, и с сожалением произнёс.

Цяо Юэ всегда мстил за малейшую обиду. Если кто-то осмеливался его обмануть, он заставлял их заплатить в десять раз дороже.

Хэ Чжиян хотел использовать любовные письма, чтобы наказать его, поэтому Цяо Юэ решил ответить тем же, чтобы молодой господин хорошо понял, на что он способен, оказавшись в императорской тюрьме.

К тому же... за эти несколько дней он сможет получить ещё несколько любовных писем...

Пан Ин почувствовал холод:

— Императорская тюрьма? Ты хочешь его убить?

— Нет, до этого не дойдёт. — Цяо Юэ, сидя у огня, согрел руки и спокойно сказал. — Максимум, что с ним будет, — это полусмерть. Ему повезло, что у него есть хороший брат.

Сегодня лисёнок послушно прижался к его спине и, краснея от злости, назвал его братом.

Нельзя быть слишком жестоким.

Пан Ин содрогнулся. Всегда говорили, что те, кто сталкивается с семьёй Цяо, заканчивают плохо. Видимо, это правда.

В этой игре в кошки-мышки изнеженный молодой господин из семьи Хэ наверняка лишится кожи.

Сегодня тысячник, казалось, помог ему выбраться, но, связав его с клеветой на Стражу в парчовых одеждах, он сделал всё гораздо хуже, чем если бы его просто задержали в Управлении ратных дел за разврат.

К тому же, оказавшись на его территории, он сможет мучить его, как захочет.

Эх, а ещё он сможет унижить Хэ Чжияна, заставляя его стискивать зубы и писать любовные письма. Это выглядит как беспроегрышная сделка...

— Братан, я преклоняюсь перед тобой! — Пан Ин в восхищении склонил голову.

<http://bllate.org/book/16783/1543303>